

ЗАКОНОМЕРНОСТИ СТАНОВЛЕНИЯ ФОРМ ГОСУДАРСТВЕННОГО ПРАВЛЕНИЯ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

.....

П. В. Мироненко¹

В данной статье анализируются закономерности становления форм государственного правления в рамках трансформации постсоветской политической реальности; определяются универсальные механизмы формирования эффективного государственного правления. Автор выделяет основные черты модернизации системы государственной власти и управления ряда государств. Описываются черты институционального устройства, позволяющие поддерживать баланс полномочий в системе разделения властей.

Ключевые слова: политическая трансформация, демократизация, президентский институт, парламент, реформация, «гибридный» режим, рационализация власти.

Myronenko P. V. The formation regularities forms of government in the post-soviet space policy

This article deals with appropriateness of state authority establishment in the frames of post-soviet political reality; defines universal mechanisms of effective state authority formation. The author highlights the main features of the modernization of state power system and control a few of states. We have described the features of the institutional devices to maintain the balance of power in the separation powers system.

Key words: political transformation, democratization, presidential institute, parliament, reformation, «hybrid» regime, rationalization of authority.

Начало 1990-х гг. ознаменовалось перераспределением политических конфигураций геополитической реальности. Реформация международного политико-территориального устройства детерминирована деструкцией ключевого актора глобального политического пространства — СССР. Крах целостности советской системы аккумулировал не только деформацию политической структуры, но и падение авторитета коммунистической доктрины. Как результат, на международной политической карте возникли новые независимые акторы с превалирующей демократической парадигмой развития, которые столкнулись с рядом вызовов, в том числе трансформацией формы государственного правления и определением функциональной идеологической ма-

---

¹ Мироненко Петр Владимирович – кандидат политических наук, заместитель главного ученого секретаря Украинской академии политических наук. Эл. почта: myrpv@ukr.net

трицы для фундаментализации политики страны в рамках международного политического процесса.

Актуальность данной тематики обусловлена в амбивалентностью трансформации политической системы постсоветских стран на современном этапе становления и социально-политической конфронтацией, которая заключается в определении концепции консолидации политического режима и формы государственного правления. Результат данных процессов имеет доминантное значение для стабилизации восточноевропейского политического пространства, распределения прерогатив между глобальными политическими акторами и балансирования тенденций международной социально-политической реальности.

Вопрос модификации формы государственного правления в контексте политических трансформаций остается ценной тематикой для научного исследования. Главными теоретиками процесса политической модернизации принято считать С. Хантингтона, Ф. Шмиттера, Г. Алмонда, С. Вербу, Л. Пая, Р. Даля, М. Леви, Д. Рюшемейера, Р. Дарендорфа и других авторов, труды которых стали фундаментом для формирования теоретических рамок данного политического явления.

Главная цель работы — определить закономерности становления формы государственного правления в рамках постсоветских политических трансформаций. Реализация данной цели требует решения следующих задач:

- охарактеризовать сущность дефиниций «форма государственного правления» и «политическая трансформация»;
- провести компаративный анализ модификации формы государственного правления в постсоветских странах;
- проанализировать проблемы и риски демократизации в постсоветских странах;
- спроектировать систему универсальных принципов фундаментализации наиболее эффективной модели государственного правления на основе достижений и вариативных закономерностей стран постсоветского региона.

Форма государственного правления — доминантный инструмент организации социально-политических отношений. Основу исследований данного концепта заложили мыслители Древней Греции: это и философский подход Платона к пониманию форм правления и их транзитивных способностей [17], и учение Аристотеля о правильных и неправильных формах государственной власти [6]. В процессе дальнейшего генезиса научной политической мысли теоретическая база форм государственного правления наполнилась вариативными концепциями и креативными интерпретациями. Особый вклад в этом плане принадлежит французскому теоретику Ш. Луи Монтескье, который установил релевантность географического детерминанта для политического

процесса и определял форму правления на основе совместимости с географическим положением страны. Таким образом, в политическую науку были имплементированы новые концепты: «географический детерминизм» и «природа формы правления» [11, с. 252]. В рамках данного исследования форма государственного правления расценивается как организация политической власти на основе распределения функционального инструментария и политических прерогатив государственных институтов с целью формирования вектора государственной политики и способа организации социально-политических отношений внутри страны.

Транзитивный потенциал форм государственного правления, отмеченный еще древнегреческими теоретиками политического процесса, в дальнейшем нашел отражение в современных концепциях политической модернизации. Синхронный анализ когнитивного контента понятий «политическая модернизация», «политическая трансформация» и «демократизация» указывает на их теоретическую гомогенность и частичную синонимичность. По определению американского политолога У. Растоу, «демократизация — это движение в направлении свободы слова, улучшения правовой администрации и конструирования представительской парламентской институции, основанной на выборе прогрессивного электората и способной контролировать бюджетные средства» [15, с. 182]. Другой представитель западной политической школы С. Хантингтон, характеризуя процессы трансформации политического устройства стран мира, сформировал концепцию о «волнах демократизации», в рамках которой тоталитарные режимы под действием определенных факторов модернизировались в контексте демократизации социально-политической конфигурации политической системы [9]. Современная наука часто обозначает сущность трансформации формы правления в контексте кондиций, которые детерминировали данный процесс. Например, Г. Алмонд, С. Верба, С. Липсет, Р. Инглхарт, А. Пай и У. Растоу акцентировали внимание на корреляции социально-экономических и культурно-ценностных факторов, а Ф. Шмиттер, Г. О»Доннелл, Х. Линц, А. Степан, А. Пшеворский при исследовании политических трансформаций отдавали предпочтение конкретным процедурам и политическим решениям самих агентов демократизации. Представитель российской политической школы А. Мельвиль систематизировал данные дифференциации в рамках структурного и процедурного подходов к изучению причин демократизации [4, с. 26].

Несмотря на прогрессивные интенции трансформации политических конфигураций в рамках модернизации политической системы страны, теория политики не исключает возможность регрессивных изменений и нивелирования демократического потенциала данного процесса. Результатом дисфункции политической трансформации является усложнение имплементации демократических принципов с последующей деформацией механизмов консолидации

демократической политической системы: модели авторитарной демократии Р. Саквы [16, с. 37], делегативной демократии Г. О'Доннела [10, с. 130]. Девиация процессов демократической модернизации стран с тоталитарной организацией политической власти детерминирована вариативными рисками и кризисами: легитимизацией политических институтов, участием гражданского общества в политическом процессе, деструкцией демократической корреляции элементов власти и общественных структур, распределением материальных и культурных благ, социально-политической самоидентификацией общества [14].

Сфокусировав внимание на проблеме амбивалентности результатов политической трансформации, С. Хантингтон систематизировал исторический опыт и определил ключевые критерии эффективности модернизации политической системы: рационализация политической власти, дифференциация политических функций и модификация специализированных структур для их осуществления, увеличение уровня участия общества в политическом процессе [8].

Таким образом, вектор политической трансформации и успех консолидации эффективных демократических механизмов зависит от действенности государственного правления в контексте организации норм социально-политического процесса. Исходя из отмеченной тенденции, в рамках данного исследования предпринята попытка определения и систематизации релевантных принципов моделирования функциональной формы государственного правления на основе критериев демократизации С. Хантингтона, географическом детерминизме и компаративизме уже приобретенного транзитивного опыта стран бывшего Советского Союза.

Коллапс СССР дестабилизировал биполярность международного политического устройства и аккумулировал процесс дезинтеграции империи. Пятнадцать новообразовавшихся стран должны были принять вызов формирования нового государственного устройства, в компетенции которого было бы регулирование кризиса социально-политической обстановки, реформирование деструктивной экономической системы и конструкция модернизированной доктрины внутренней и внешней политики. Реализация любой конструктивной инициативы политической администрации страны могла быть осуществлена в контексте двух диаметрально противоположных парадигм: демократизации в традициях моделей западных ценностей и потенциального восстановления тоталитарных закономерностей политического процесса. Путь демократизации требовал ликвидации остатков разрушенных советских политических конфигураций и реформирования устройства политической системы в соответствии с демократическими канонами: разделением политической власти, формированием политического плюрализма, проведением открытых выборов, обеспечением свободы слова и реального участия общества в деятельности государственного аппарата. Данная тенденция создала первую проблему модернизации формы государственного правления — ни-

велирование крайнего этатизма, характерного для социально-политического устройства постсоветских стран в течение длительного периода времени. Другая важная особенность выбора концепции формации формы государственного правления — политический менталитет постсоветского общества. Долгие годы коммунистической идеологии и тоталитарного режима закрепили тенденцию превалирования государственных ценностей над общественными интенциями, кодифицировали нормы социального поведения и принцип крайнего иерархизма с доминированием партийной элиты в социально-политических отношениях социума. С точки зрения нейтральной позиции, которая не сравнивает эффективность советской и западной политических систем, уровень политического сознания населения и социальная обстановка стран бывшего Советского Союза — веская причина проблематичной адаптации демократических канонов в обществе советского типа политической культуры. Например, как аргумент в оспаривании надобности ассимиляции западных политических ценностей в рамках конструирования политической системы представитель российской политической школы А. Дугин использовал идею концептуального противоречия западной идеологической матрицы традиционному обществу стран бывшего СССР [2]. Несмотря на однозначность суждения, рациональное зерно взглядов политолога прослеживается в «сознательной неподготовленности» населения к чуждым на когнитивном уровне политической рефлексии демократическим механизмам организации социально-политической реальности. Длительный период функционирования советского политического устройства детерминировал деградацию социального участия народных масс в политическом процессе. Данная тенденция вместе с этнической дифференциацией и культурной неоднородностью постсоветского общества создали кумулятивный эффект усложнения имплементации демократических принципов в рамках строительства модернизированной формы правления и вариативной динамики транзитивного процесса в разных странах региона.

Другой отличительной чертой трансформационных процессов постсоветского пространства и в то же время дефектом демократического реформирования стало проведение модернизации политического аппарата представителями «демонтированной» советской политической системы. Как результат, реформирование правительственной администрации проходило в рамках политической амбивалентности: с одной стороны, хаотичного развития политического плюрализма, с другой — имплицитных интенций ключевых политических акторов касательно сохранения монополии на политическую власть. Дисфункция элитарной циркуляции интенсифицировала становление важной особенности постсоветского правительственного пространства — мощного института президентства. Превалирование президентской власти на начальных стадиях политического реформирования и в процессе дальнейшей эволюции трансформаций государственного устройства стран постсоветского про-

странства привело к установлению в большинстве из них президентской формы правления, сочетающейся с сильной исполнительной властью [5]. Таким образом, в рамках постсоветской модели президентской республики глава государства наделяется многофункциональными политическими полномочиями, обладая монополией на исполнительную власть и регулируя закономерности протекания политического процесса внутри страны. Примером концентрации политической власти в руках президентского института является организация политической системы в Российской Федерации, Белоруссии, странах Центральной Азии. Диаметрально противоположны демократизации социально-политических конфигураций могут быть вариативные проявления процесса координации функционального инструментария вокруг президентской должности: чрезмерная централизация политической власти (Белоруссия), «наследственность» процедуры формирования президентского института (Азербайджан), максимизация роли отдельной личности в политическом пространстве страны (Казахстан и другие страны Центральной Азии). Данные тенденции президентской формы правления при негативном стечении обстоятельств чреватой возможной маргинализацией демократического устройства страны: реверсированием трансформационных изменений к неоавторитаризму, формированию культа личности, становлению диктаторских режимов.

Действенной панацеей для предупреждения авторитарных наклонностей президентского режима является дифференциация политической власти с регулирующей деятельностью принципа сдерживания и противовесов. Наглядный пример демократического функционирования института президентства — политическая система США, в рамках которой президент выступает главой исполнительной власти, подконтрольным общественности [3, с. 148].

Превалирование президентской формы организации власти в большинстве стран постсоветского пространства не остановило функционирование законодательного института — парламента. Деформация советских политических конфигураций аккумулировала плюрализм политического процесса и трансформировала данную инстанцию из однопартийной организации в представительский законодательный орган. Наличие парламента формирует тонкую грань отличия президентской формы правления от смешанной (с превосходством исполнительного или законодательного института) в контексте постсоветской модернизации. Сложность в регламентациях корреляции государственных политических институтов могут провоцировать дисбаланс и недопонимания внутри политической среды. Примером таких правительственных конфронтаций может служить генезис украинского политического режима. С момента провозглашения независимости украинская форма государственного правления в большей мере соответствовала парламентско-президентской республике, но с принятием Конституции 1996 г. существенные политические прерогативы были отведены президенту и маятник смешанного типа поли-

тической системы отклонился в направлении президентско-парламентского типа. Превалирование президента усиливалось неограниченным правом вето на законодательные инициативы парламента, которое в идеале призвано сделать невозможным принятие каких-либо популистских законов накануне парламентских выборов или некорректных законодательных предложений, лоббированных экономическими кланами. В украинских политических реалиях такой механизм взаимного контроля стал объектом преткновения государственных инстанций, (большинство законодательных инициатив парламента были заблокированы президентом) и замедления государственного функционирования [3, с. 151]. Дальнейшие перипетии украинского политического процесса отмечены принятием политической реформы 2004 г., в рамках которых политический аппарат снова начал действовать с лидирующей позицией парламента. Диспропорциональность политической дифференциации спровоцировала конфликты в сфере законодательной власти между президентом и премьер-министром, а также отсутствие согласованности и политической целостности в действиях исполнительной ветви правительства и парламента. Финальным аккордом дестабилизирующих трансформаций формы правления стала отмена в 2010 г. политреформы Конституционным Судом Украины в связи с нарушением процедуры принятия: Украина возвратилась к президентско-парламентской форме правления.

Сопоставляя государственные модели постсоветского пространства, следует выделить отличие стран Балтии, политическая система которых построена вокруг парламента, а не президентского института. Латвия, Эстония и Литва в ходе модернизации политической системы адаптировали опыт парламентаризма стран Западной Европы и закрепили ключевую роль в государственном политическом процессе за парламентом. Если в большинстве стран постсоветского мира влияние президента подкреплена выборностью данного института народом и фактической независимостью от парламента, то, например, в Латвии президент избирается Сеймом, что ограничивает его деятельность и минимизирует полномочия. В такой модели политического устройства обладателем исполнительной власти является глава правительства — премьер-министр.

Очередная особенность государственного конструирования в рамках постсоветской политической реальности — укрепление президентского доминирования в некоторых странах с помощью парламентской солидарности. Гомогенность политической идентификации парламентского большинства с президентскими политическими инициативами способствует координации однополярной политической реальности. Данная тенденция проявляется в ситуации, когда парламентская коалиция сформирована вокруг политической партии действующего президента. Примером данной политической идентичности выступают государственные модели Украины и Российской Федерации.

Дисбаланс идеологической однородности государственных институтов может привести к усложнению функционирования государственного аппарата, а также к трудностям в принятии коллективных решений и достижении консенсуса. С одной стороны, последовательность в синхронной деятельности исполнительной и законодательной власти способствует гармонизации социально-политической ситуации, с другой стороны, чрезмерная устойчивость позиции правительства ограничивает неконформистскую активность и конструктивность оппозиционных сил.

Анализируя эволюцию становления политического устройства стран бывшего СССР, следует выделить существенное внешнее давление на постсоветские трансформации со стороны мировых центров влияния [7, с. 13-33]. В целях реализации своих интересов лидеры мирового политического процесса осуществляют давление в экономической, геополитической, информационной сферах для обретения выгоды при участии в формировании государственных институтов и кадрового состава политики страны. В таких условиях можно говорить о реализации сценария внешнего конструирования в транзитивных инициативах постсоветского пространства [5]. Вариативный инструментарий, среди которого политико-экономическая изоляция, мобилизация неконформистской общественности, позволяет международным инстанциям влиять на политику отдельных стран. Яркий пример внешнего участия — «цветные» революции в Киргизии, Грузии, Украине, которые закончились реформированием политической администрации, законодательной базы и политического климата стран. Политическая конфронтация международной общественности с Беларуссией, информационное давление на Российскую Федерацию, Украину и страны Центральной Азии с целью ограничения концентрации политической власти в руках президентского института — пример изоляционной политики западных акторов.

Исходя из особенностей трансформации политической системы постсоветского пространства, можно прийти к выводу, что переход от тотального государственного патернализма в рамках СССР к модернизированному политическому устройству с демократической парадигмой функционирования принял затяжной характер. Внедрение новых демократических ценностей на не окончательно демонтированную советскую идеологическую матрицу детерминировала девиацию демократических принципов в ходе их консолидации в политических конфигурациях постсоветских стран. Концентрация процедурных полномочий реформирования в руках бывшей советской элиты, сложности перехода к рыночной экономике, культурная и этническая дифференциация населения, дисбаланс политического климата, низкий уровень рефлексии механизмов демократизации социально-политической системы создали кумулятивный эффект усложнения становления демократических форм государственного правления. Ассимиляция демократии сопровождалась вари-

тивными кризисами: проблема распределения политической власти интенсифицировала конфронтации акторов внутри политической системы, дисбаланс государственного правления стал причиной нестабильности транзитивных процессов и делегитимизации правящих институтов, низкий уровень участия общества в политических формациях создал почву для реверсивной авторитаризации конструктивных политических тенденций. Отсутствие полноценной интеграции социума в политический процесс деформировало сущность главного механизма формирования форм государственного правления — института выборов. Таким образом, часто успех предвыборной кампании и политической конкуренции элит обуславливается не сознательным выбором электората, а потенциалом административной мобилизации масс правящими группами. Как результат, длительный процесс консолидации демократии в рамках постсоветской социально-политической реальности осуществляется с частичной деформацией концептуальных принципов и процедур. Симбиоз тоталитарного прошлого и демократических преобразований на основе собственных странам бывшего СССР особенностям и кризисам позволяет говорить о становлении нового, состоящего из вариативных принципов авторитарных и демократических идеологических парадигм «гибридного» политического режима.

Американский исследователь М. Макфолл систематизировал типологию возникающих в рамках транзитивных процессов режимов с разным уровнем закрепления демократических ценностей. Основой классификации служит определение источника импульса демократических преобразований. Если на старте преимущество одерживали радикальные реформаторы, которые получали общественную поддержку, полноценная демократия консолидировалась быстрее. Если силы были на стороне представителей бывшего режима, которые мимикрировали политическое прошлое, устанавливался более мягкий авторитарный режим. Если победитель определялся после длительного балансирования, формировались разновидности «гибридного» режима [13].

Эволюция форм государственного правления происходила в контексте двух конструктивных тенденций: образования сильного президентского института с характерной концентрацией политической власти (Российская Федерация, Белоруссия, Азербайджан, страны Центральной Азии) и развития парламентской инстанции с присущим политическим плюрализмом (страны Балтии). В Украине, например, становление корреляции форм государственного правления осуществлялось с переменным успехом. Неоднородность доминирования одного из институтов правления присуща и эволюции политического устройства Грузии: контроль политического процесса президентом вылился в конфронтацию с законодательной властью после победы на парламентских выборах оппозиционных сил.

Современный дуализм трансформаций постсоветской политической реальности заключается в существовании разносторонних в контексте идеологической парадигмы политических тенденций: комплексной демократизации социально-политического устройства стран на основе государственной независимости, релевантности суверенитета и экономической самодостаточности; частичной демократической реформации политического устройства с потенциальной реконструкцией элементов советской политической традиции. Предпосылки второй тенденции прослеживаются в «гибридизации» модели государственного правления на основе сохранения авторитарности некоторых аспектов политического процесса в рамках консолидации демократии, а также попыток координации политической и экономической деятельности постсоветских стран с помощью межрегиональных организаций (Таможенный союз).

В любом случае компаративный анализ эволюции государственного строения стран региона позволяет создать сценарий универсальных механизмов политического реформирования на основе критериев эффективности функционирования политической системы и принципа географического детерминизма с учетом социально-культурных особенностей и геополитических закономерностей. Важный шаг конструктивной модернизации — рационализация политической власти в традициях отмеченных учений С. Хантингтона. Реализации данной интенции можно достичь благодаря полноценной институализации принципа разделения политических прерогатив в руках действующих правительственных инстанций. Главным элементом прогрессивной модели государственного строения будет выступать парламент, мощный в своем законодательном потенциале, который объединяет политические силы с четкой идеологической идентификацией, способные артикулировать общественные интересы. Функционировать данный избирательный законодательный орган должен путем рационального достижения консенсуса в рамках сохранения политического плюрализма, формирования организованного большинства и конструктивной оппозиции. Важной прерогативой данной инстанции является эффективная корреляция с институтом исполнительной власти — президентом. Взаимодействие направлено на нивелирование возможности тотальной концентрации власти в руках президента, а также на гармонизацию и балансирование политического процесса. Избранный народом президент, в свою очередь, должен быть компетентным и авторитетным представителем страны на международной арене и символом единства нации внутри страны. Такой результат может быть достигнут благодаря персональным лидерскими качествам в лучших традициях харизматичного типа легитимности. В таких условиях возможна консолидация общественности, неоднородной в контексте этнических и культурных детерминант. Важная особенность демократической процедуры кооперации правительственных институтов — равноправный регламент участия в формировании кабинета министров. Если кадровый состав кабинета определяется президентом, то четко должен функционировать такой

механизм парламентского контроля над работой министров, как интерpellация — запрос отчета относительно деятельности отдельного министра. Такая форма государственного правления будет своеобразным симбиозом европейской модели конструктивного парламентаризма (Польша, Венгрия, страны Западной Европы) и сильного, функционального президентского института (США). Последовательность отлаженной систематизации инструментального потенциала и политических прерогатив государственных инстанций должна быть подкреплена четкой нормативной регламентацией. Ключевая роль в данном процессе принадлежит третьей ветви государственной структуры — судебной власти. Полноценный контроль и юридическое толкование политических процедур возможно только при независимости и отсутствии коррумпированности судебной системы.

Баланс политических институтов и открытость политического процесса обеспечиваются дифференциацией политической и экономической власти. В то же время данная тенденция — важный инструмент формирования гражданского общества [1, с. 28]. Социум с высоким уровнем демократической культуры и политической рефлексии, который принимает должное участие в политическом процессе страны, путем сознательного выбора в рамках демократического голосования, а также презентации собственных требований и инициатив через политические партии или общественные организации — ключевой элемент формирования и поддержки жизнедеятельности любой формы государственного правления. Высокое политическое сознание общества вместе со свободой политических коммуникаций также входит в принятую за эталон в работе классификацию С. Хантингтона. Эффективное взаимодействие высших элементов политического правления, прогрессирующий институт гражданского общества позволяют реализовать последнюю релевантную позицию универсальной модели государства — местное самоуправление. Политическая сегментация территориального пространства на основе демократической иерархии и вертикальных структурных корреляций — фундамент продуктивного функционирования политического аппарата. Данные реформации социально-политического устройства говорят о перспективе эффективного, рационального демократического государства с высоким уровнем политической культуры общественности и функциональным институтом местного самоуправления, которое действует на основе принципа политического управления, а не политической власти.

Библиографический список

1. *Гаджиев К. С.* Концепция гражданского общества: идейные истоки и основные вехи формирования // *Вопросы философии.* 1991. № 7.
2. *Дугин А. Г.* *Философия политики.* М.: Арктогея, 2004.

3. *Зеленько Г.* Політична «матриця» громадянського суспільства (досвід країн Вишеградської групи та України). Київ: Знання України, 2007.
4. *Мельвиль А. Ю.* Демократические транзиты: теоретико-методологические и прикладные аспекты. М.: МОНФ, 1999.
5. Специфика развития процесса демократизации на постсоветском пространстве. URL: <http://www.kisi.kz/img/docs/114.pdf>
6. *Bates C. A.* Aristotle's «Best Regime»: Kingship, Democracy, and the Rule of Law. Baton Rouge: LSU Press, 2003.
7. *Dawisha K.* The International Dimension of Post-communist Transitions in Russia and the New States of Eurasia. Armonk; New York; London: M. E. Sharpe, 1997.
8. *Huntington S.* Political Order in Changing Societies. New Haven: Yale University Press, 2006.
9. *Huntington S.* The Third Wave: Democratization in the Late 20th Century. Norman: The University of Oklahoma Press, 2012.
10. *Linz J., Valenzuela A.* The Failure of Presidential Democracy. Berkeley: JHU Press, 1994. Vol. 1.
11. *Llanque M.* Politische Ideengeschichte: ein Gewebe politischer Diskurse. München, Wien: Oldenbourg Verlag, 2008.
12. *McFaul M., Markov S.* Troubled Birth of Russian Democracy: Parties, Personalities and Programs. Stanford: Hoover Press, 1993.
13. *McFaul M.* The fourth wave of democracy and dictatorship: noncompetitive transition in the post-communist world // World Politics. 2002. Vol. 54, № 2.
14. *O'Donnell G., Schmitter P., Whitehead L.* Transitions from Authoritarian Rule: Comparative Perspectives. Baltimore: JHU Press, 1986.
15. *Rostow W. W.* Politics and the Stages of Growth. Cambridge: Cambridge University Press, 1971.
16. *Sakwa R.* The Crisis of Russian Democracy: The Dual State, Factionalism and the Medvedev Succession. Cambridge: Cambridge University Press, 2011.
17. *Voegelin E.* Order and History (Volume 3): Plato and Aristotle. Columbia: The University of Missouri Press, 2000.

References

1. *Gadzhiev K. S.* Konceptija grazhdanskogo obshhestva: idejnye istoki i osnovnye vehi formirovanija // Voprosy filosofii. 1991. # 7.
2. *Dugin A. G.* Filosofija politiki. M.: Arktogeja, 2004.
3. *Zelen'ko H.* Politychna «matryca» hromadyans'koho suspil'stva (dosvid krayin Vyshehrads'koyi hrupy ta Ukrayiny). Kyev: Znannya Ukrayiny, 2007.
4. *Mel'vil' A. Ju.* Demokraticheskie tranzity: teoretiko-metodologicheskie i prikladnye aspekty. M.: MONE, 1999.
5. Specifika razvitija processa demokratizacii na postsovetskom prostranstve. URL: <http://www.kisi.kz/img/docs/114.pdf>
6. *Bates C. A.* Aristotle's «Best Regime»: Kingship, Democracy, and the Rule of Law. Baton Rouge: LSU Press, 2003.

7. *Dawisha K.* The International Dimension of Post-communist Transitions in Russia and the New States of Eurasia. Armonk; New York; London: M.E. Sharpe, 1997.
8. *Huntington S.* Political Order in Changing Societies. New Haven: Yale University Press, 2006.
9. *Huntington S.* The Third Wave: Democratization in the Late 20th Century. Norman: The University of Oklahoma Press, 2012.
10. *Linz J., Valenzuela A.* The Failure of Presidential Democracy. Berkeley: JHU Press, 1994. Vol. 1.
11. *Llanque M.* Politische Ideengeschichte: ein Gewebe politischer Diskurse. München, Wien: Oldenbourg Verlag, 2008.
12. *McFaul M., Markov S.* The Troubled Birth of Russian Democracy: Parties, Personalities and Programs. Stanford: Hoover Press, 1993.
13. *McFaul M.* The fourth wave of democracy and dictatorship: noncompetitive transition in the post-communist world // World Politics. 2002. Vol. 54, № 2.
14. *O'Donnell G., Schmitter P., Whitehead L.* Transitions from Authoritarian Rule: Comparative Perspectives. Baltimore: JHU Press, 1986.
15. *Rostow W. W.* Politics and the Stages of Growth. Cambridge: Cambridge University Press, 1971.
16. *Sakwa R.* The Crisis of Russian Democracy: The Dual State, Factionalism and the Medvedev Succession. Cambridge: Cambridge University Press, 2011.
17. *Voegelin E.* Order and History (Volume 3): Plato and Aristotle. Columbia: The University of Missouri Press, 2000.